

Марк фон Хаген

Колумбийский университет

РЯДОВОЙ И ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ: К ОПИСАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проблематика и историография [1].

Среди историков, изучающих Советское общество в период Второй мировой войны, долгое время бытовало устойчивое мнение о непобедимости Красной Армии, противостоявшей рейхсверу летом 1941 г., несмотря на то, что в первые дни войны линия обороны Красной Армии фактически развалилась, и миллионы советских солдат, попав в окружение, оказались в плену. Причиной неудач в начальный этап военных действий советские исследователи и мемуаристы во времена Хрущевской «оттепели» назвали неготовность страны к войне; они в значительной мере обвинили Сталина и его окружение, отстаивая часть военных, генералов и маршалов, которые вынесли на своих плечах победу. В центре дискуссии о готовности СССР к войне оказались такие вопросы, как фактор внезапности, дипломатические просчеты, соотношение в живой силе и технике, содержание предвоенной доктрины, последствия репрессий и чисток в офицерском корпусе [2].

При Горбачеве начатая ранее полемика развернулась вновь, новое поколение историков практически отказалось от разделения руководства страны на сталинистов и антисталинистов [3]. Они были убеждены, что ужасающее положение армии не было виной одного Сталина, и тем более его окружения, наоборот, они развенчивали сущность советской системы [4]. Их труды расширили представления в вопросе о готовности СССР к войне, включив такие значимые сферы для осмыслиения, как политico-экономические отношения и, до сих пор лишь мало упоминавшуюся, социальную психологию «советского человека» [5]. С приходом свободы слова многие специалисты, близкие к Кремлю [6], начали отказываться от клишированных представлений о «единстве партии и народа», подняв тем самым вопрос о взаимоотношении власти и общества [7].

Новые веяния в России повлияли на взгляды и представления о войне зарубежных историков. Они исследовали целый комплекс взаимоотношений между различными социальными группами и советской властью в 20-30-е гг. [8]. Благодаря открытости архивов в новейшее время стало возмож-

ным изучение поведения солдат и гражданского населения в предвоенный и начальный периоды войны. Неудивительно, что новые работы обнаружили более широкий спектр общественных настроений, включая не только энтузиазм и патриотизм, но и имевшие место крайние формы пассивности и конформизма, вплоть до откровенного неприятия властей [9].

Не смотря на то, что большинство исследователей и авторов мемуарной литературы признает важность присутствия боевого духа в войсках для отпора врагу, дискуссия по этой ключевой проблеме лишь вскользь затронула моральную сторону вопроса и велась, в большей мере, интуитивно, не опираясь на серьезные научные исследования. Советские историки часто рассматривали свой предмет как узкопрофильный, военный, в силу чего армия изучалась как нечто изолированное от общества и власти [10]. После 1934 г. Красная Армия выросла в подлинно массовую силу (в середине 1941 г. она насчитывала 5 500 000 чел.), и положение дел в войсках не могло не отразить большинство социальных конфликтов и настроений, которые характеризовали жизнь обычных советских граждан. До середины 30-х гг. большевистское руководство проводило целенаправленную политику по созданию новой формы взаимоотношений гражданского и военного населения (начатую еще со времен Гражданской войны), которая обеспечила бы революционный режим лояльной вооруженной силой, не давая военным превратиться в изолированную касту, как было во времена империи [11]. Историки не должны отделять моральный фактор в армии от положения инженерно-технических и интендантских служб, равно как и жизнь миллионов солдат и офицеров не должна изучаться в отрыве от советского общества, экономики, частью которой она была. Взаимоотношения между властью, армией и обществом являются предметом изучения таких наук как социальная психология [12].

Данные и источники.

Первоначальные дискуссии о моральной подготовке советских войск велись на основе анализа источников, которые одновременно таили в себе определенные возможности и представляли некоторые трудности для историков. Первые, важные обобщения, были сделаны на основе очевидной суровости предпринятых мер, появления 12 сентября 1941 г. приказа о создании из частей НКВД специальных заградотрядов, которые шквальным огнем пытались предотвратить дезертирство и бегство с поля боя [13]. Историки затрудняются установить причину его появления, ввиду отсутствия документов, поэтому вынуждены пересматривать второстепенные материалы, предшествующие его принятию, в данном случае исследования советской политической системы помогают восполнить пробелы.

Вторым важным источником остаются немецкие свидетельства о поведении советских солдат в бою и плену [14]. Развитие советско-германских

отношений в послевоенный период отчасти повлияло на данную категорию документов, отразивших на себе более поздние конъюнктурные вмешательства [15]. Наконец, некоторые ученые попытались воссоздать положение советской армии в предвоенные годы, на основе послевоенных воспоминаний военачальников. Советские историки и мемуаристы в основном игнорировали межвоенный период, лишь косвенно касаясь характеристики того времени, чаще в предисловиях к своим трудам. Более значимыми были политически сдержанные высказывания бывших генералов и маршалов в своих воспоминаниях, записи которых вынуждали переписывать ключевые эпизоды или о многом умалчивать [16].

Но даже эти источники, при всей своей проблематичности, требуют дифференцированного отношения к вопросам оценки состояния боевой подготовки войск. Поведение советских солдат и гражданарьировалось в зависимости от региона и периода. Публикации воспоминаний и открытый доступ к архивам позволяют сегодня яснее понять то время и подтверждают более ранние впечатления о различных настроениях господствовавших в армии и обществе [17].

Предметом внимания настоящей работы являются всесторонние представления о деятельности армейских политработников, свидетельствующие о морально-политическом состоянии Красной Армии накануне войны. Они затрагивают широкий спектр проблемы, включая объективные данные о социальном положении военнослужащих, уровне их образования, этнической принадлежности, членстве в партии и комсомоле. Политработники располагали данными, далекими от официальной информации в сфере социальной психологии, которые включали поверхностные суждения солдат и офицеров о политической системе и армии, случаи индивидуальных и коллективных протестов, дисциплинарные провинности и чрезвычайные происшествия, начиная от автомобильных аварий и попыток самоубийства до пьяного дебоширства. Автор склонен перевести понятие «политическая подготовка» в более близкую специалистам сферу «социальной психологии и политических отношений».

Информация по данным случаям фиксировалась политработниками, а позднее Главным Отделом политической пропаганды Красной Армии, а также особым отделом НКВД, который был составной частью армейской контрразведки. Кроме того, офицеры обязаны были записывать свои впечатления о подчиненных и сослуживцах. Основным источником для характеристик являются регулярные политдонесения из различных армейских информационных агентств и сообщений повышенной секретности, последовавшие за провалами в Финской войне зимой 1939-1940-х гг. [18].

Во время данных встреч стенограммы зачастую фиксировали откровенные обсуждения более ранних кампаний на озере Хасан, р. Халхин-Гол, Восточной Польше и Финляндии. Они, как и Румынская армия летом 1940 г.,

стали первыми свидетельствами боеготовности советской армии к реальным военным действиям [19]. Высшее руководство, офицеры, и политработники определили наиболее острые армейские проблемы, разработали и ввели ряд мер, позднее известных как реформы Тимошенко, который возглавил Комиссариат обороны в мае 1940 г.

Оценивая боевую готовность и моральное состояние войск и офицеров накануне немецкого вторжения, нельзя не упомянуть о реформах Тимошенко [20]. На основе предварительных заключений я вынужден согласиться с радикальными критиками Советской системы, что попытки Тимошенко изменить армейскую жизнь не достигли поставленной цели и потерпели неудачу. Несмотря на существование когорты военных генералов Тимошенко, Шапошникова и других, ставших впоследствии видными фигурами второй мировой войны и, несмотря на их подлинное стремление, реорганизовать в сжатые сроки армию, они не могли изменить установленные политические принципы, которые регламентировали армейскую жизнь, необходимы были преобразования самой системы существующего строя. Реформаторы не имели шанса на успех еще и потому, что они не сумели обратить внимание на пагубную роль, которую играл НКВД в армии, поэтому, даже внутри армейских структур реформы сталкивались с непреодолимыми препятствиями. Будучи частью сталинской системы, советское военное руководство исключало любое подлинное реструктурирование военной жизни [21].

Политико-экономические основы армейской службы.

Ужасающее положение советских солдат в первые недели и месяцы немецкого вторжения, историки и публицисты выдвинули на первый план не столько в качестве свидетельства трусости военных, сколько в качестве их недоверия и неприятия власти [22]. Примеры паники во время боя и массовой сдачи в плен – достаточно сложный вопрос. Пока мы не узнаем большего о внутриполитических отношениях в советском обществе предвоенных лет, мы не можем говорить о каких либо тесных взаимосвязях между поведением в бою и вопросом политической лояльности к властям [23], скорее, я лишь пытаюсь проанализировать различные аспекты армейской жизни в конце 1930-х, для того, чтобы понять поведение советского солдата в первые дни войны.

В начале осени 1939 г. Н.Хрущев, будучи членом Военного Совета Киевского округа, сыграл значительную роль в армейской операции на территории Восточной Польши. Согласно его воспоминаниям, операция заняла не более 2-3 дней и прошла без существенных осложнений [24]. Мемуары Хрущева повторяют официальную версию событий, представленную в советской прессе тех дней. Архивные данные говорят об обратном. Отзывы и отчеты, подготовленные для главнокомандования об итогах боевых действий на Дальнем Востоке, в Восточной Польше и Финской войне, были еди-

нодушины в выражениях тревоги по поводу плачевного состояния войск и командного состава. В официальных отчетах о потерях двухнедельной кампании на Западной Украине значилось убитыми и ранеными 167, из которых 38 были убиты и 116 ранены во время прямых боевых действий. Начальник Политического управления Украинского фронта Ерохин отмечал случаи паники и других негативных явлений, результатом которых стал арест 700 военнослужащих [25]. Дневник Хрущева не дает реального описания событий в период Белорусской компании. Лейтенант Анатолий Матвеев, прошедший Белорусскую и Финскую операцию отмечал, что советские войска, несмотря на слабое сопротивление поляков, были плохо подготовлены, офицеры не способны были координировать действия, приказы сверху часто менялись, имели место случаи мародерства. Матвеев вспоминал, что войскам часто приказывали продвигаться вперед без указания направления, что многие командиры не могли читать карту и, в результате, военные соединения часто сбивались с пути [26].

Несмотря на льстивый тон советской прессы об итогах Финской войны, архивные свидетельства рисуют противоположную картину: случаи паники в войсках и многочисленные потери. Общее число жертв Финской войны до сих пор остается предметом полемики [27]. Война продолжалась 105 дней и показала неспособность советских войск вести боевые действия в сложных климатических условиях [28]. Глава Политического Управления Л.З.Мехлис курировал формирование заградотрядов для предотвращения дезертирства и бегства советских войск с линии фронта. Плохое состояние советских частей отражено в дневнике лейтенанта Матвеева [29].

О неподготовленности войск к ведению боевых действий, говорили на самом высоком уровне. Среди недостатков называлась: слабая учебная и психологическая подготовка [30]. При анализе боеготовности вооруженных сил на встречах высшего состава отмечалось, что в армии повсеместно проявляется неорганизованность и неряшество, в частях нет дисциплины, войска цветает неорганизованность и неряшество, в частях нет дисциплины, войска цветают, легко поддаются панике в сложных ситуациях, имеет место дезертирство, офицерский состав не способен к проявлению инициативы, рядовые плохо подготовлены к ведению боевых действий, так как ученья ограничивались классными занятиями. Бойцы практически не имеют опыта рытья траншей и навыков маскировки, слабы в преодолении водных препятствий и особенно, что сказалось в Финскую войну, надлежащей лыжной подготовки. Таким образом, рядовой и офицерский состав был незнаком со многими основными приемами ведения военных операций.

Единственной и наиболее часто повторяемой характеристикой боеготовности Красной Армии во второй половине 1930-х являлось «шапкозакидательство» – термин, предполагающий беззаботность и отсутствие дисциплины, коренящееся в чувстве превосходства и связанное с «краскомчванством» ранних поколений, которые негативно воспринимали профессионализм,

как восстановление ценностей имперской армии. Шапкозакидательство охватывает все сферы, начиная от военной доктрины до мобилизации и призыва. Беспорядок распространялся на всю армейскую жизнь: от тыловых служб, которые не снабжали соединения необходимым, до инженерно-саперных частей, которые не могли выполнять свои функции [31].

Причины плохой подготовки армии достаточно легко установить. Они объяснялись частой ротацией кадрового состава, особенно со временем чисток, и стремительным пополнением красноармейских рядов начиная с 1934 г. [32]. Вследствие этого, основные функции по боевой подготовке выполнялись не в полном объеме, главное внимание уделялось хозяйственным задачам, к примеру, строительству. Тимошенко отзывался о рапорте, подготовленном комисариатом в конце 1940 г., как не отражающем реального положения дел. Он писал: «Все намного хуже» [33].

Слабая дисциплина, показанная во время предвоенных кампаний, во многом проистекала из-за неуставных отношений между рядовым и командным составом [34]. К осени 1940 г., на момент введения более строгого дисциплинарного устава, взаимоотношения между солдатами и офицерами оставались панибрэтскими и неформальными [35]. Неформальность имела как плюсы, так и минусы. Например, солдаты, допрашиваемые немцами, хорошо отзывались о своих командах и хуже о политработниках. Неформальность проявлялась в потере уважения к авторитету офицеров, с одной стороны, и произвела офицеров к подчиненным, с другой. Производил явился обратной стороной шапкозакидательских настроений, широко распространенных в среде, испытывающей явный недостаток в системе регламентированных отношений и механизмов защиты от неоправданных и несправедливых притязаний.

Отсутствие уважения к офицерам зачастую являлось последствием чисток и расширяющейся пропастью в положении между верхушкой армии и младшими офицерами, солдатами. Многие командиры были репрессированы, только на основании того, что солдаты и политработники обвиняли их в «некоммунистическом образе жизни». В течение 1930-х гг. высший офицерский корпус получил привилегии в советском обществе, в виде квартир, дач и путевок на обеспеченные офицерские курорты [36]. Военные обладали определенным правовым иммунитетом. В вооруженных силах, традиционно нуждавшихся в строевых офицерах среднего звена, офицеры запаса и политруки становились все возрастающей частью советской «элиты», отделявшей себя от народа.

Среди других обстоятельств, вызвавших столь плачевную ситуацию в армии, было общее замалчивание истинного положения дел, которое можно отнести на счет патологии сталинского режима [37]. В этом можно легко убедиться не столько из докладов и рапортов на высшем уровне, как на основе разговоров военнослужащих. Солдаты и офицеры паниковали, так как

их не информировали об условиях проведения операции. Политруки фиксировали жалобы красноармейцев на фактор повышенной секретности в войсках. «Никто не знал, где находится враг, какова его сила и когда его следует ждать» – протестовал офицер. Другой утверждал, что его часть была менее информирована о том, что происходит на фронте, чем у себя дома в колхозе [38].

Культ секретности свидетельствовал о неординарной силе Советской службы безопасности, агенты которой проникли во все уровни армейской иерархии [39], выступая в качестве представителей власти военного времени, они участвовали в боевых операциях, на аннексированных территориях Восточной Польши и Северной Румынии [40]. Советская служба безопасности контролировала вопросы набора и призыва на воинскую службу. Комиссариаты не только обеспечивали Красную армию новобранцами, но дополнительно отвечали за набор в ОГПУ-НКВД. С начала 30-х гг. кадровый состав ОГПУ стремительно увеличивался и армейское руководство жаловалось, что оно фактически вынуждено было осуществлять для них второй набор [41]. Во время ежегодных призывов имело место соперничество между службами безопасности и военными за призывников, более подготовленных, политически грамотных, тем самым лишая военных лучших кадров, (по крайней мере, по советским критериям): например, средне-образовательный уровень оставался низким, так же как и показатель физического здоровья.

В ходе репрессий и чисток 1937-1938 гг. авторитет офицерского корпуса был подорван, но при этом сила и влияние служб безопасности, как и военной верхушки, значительно возросли [42]. К началу 1940 г. до 70% командного состава высшего уровня и более 70% дивизионных командиров занимали свои должности не более года [43]. Крушение служебной карьеры породило атмосферу замешательства и взаимного недоверия, так похожую на кампанию «выдвиженцев» времен первых пятилеток. Офицеры командовали большими соединениями без надлежащего опыта и подготовки.

После ареста Тухачевского и Якира большинство солдат и офицеров задавалось вопросом: «Кому тогда мы должны верить? Могу ли я знать, хороший или плох приказ, когда командир отдает его?». Солдаты и младшие офицеры могли только в недоумении наблюдать за поочередным смешением командиров с разоблачительной формулировкой «враг народа». Растряпность сказывалась на общем состоянии дисциплины и увеличении случаев самоубийств. Смирнов говорил об астрономическом числе в 400000 экстраординарных происшествий между январем и маев 1937 г. [44]. В течение 1938 г. армия потеряла 1178 служащих убитыми и 2904 ранеными в случаях различных происшествий и самострела [45].

Многие политработники оказались дезориентированы и, опасаясь за свое будущее, пытались демобилизоваться как можно быстрее [46]. Атмо-

сфера страха парализовала партийную жизнь в армии. Коммунисты часто отказывались рекомендовать служащих, которые хотели вступить в партию, боясь оказаться врагами народа. Секретари партячеек разоблачали практически каждого коммуниста в своей организации в целях самозащиты от возможных обвинений в отсутствии или потери бдительности [47]. Подобная атмосфера продолжалась и в первые месяцы войны, когда командиры доносили друг на друга после катастрофических поражений.

Офицеры, прошедшие репрессии и восстановленные на прежних должностях, уже не обладали былым авторитетом. А рядовой состав не признавал власть тех, кто занимал место арестованных командиров. Отношение к чисткам было различным. Те, кто верил обвинениям в измене и шпионаже, считали процесс чисток не завершенным. Наиболее типичными были заявления: «Мы должны очистить наши ряды от всех бывших офицеров (подразумевались бывшие офицеры имперской армии)». «Я никому не верю, только товарищу Сталину и Ворошилову». Для тех, кто не верил в истинность обвинений, оставалось лишь заключить худшее о том, что происходит в политическом руководстве страны. Некоторые солдаты выражали сомнения в решениях руководства. «От нас долгое время требовали помнить маршалов Советского Союза», – говорил А.Е.Платонов, а теперь они один за другим смещаются как враги народа. Лейтенант Филин спрашивал: «Почему Сталин дал Троцкому уехать? Он должен быть расстрелян. Почему Тухачевский, Гамарник и другие не были разоблачены раньше? Если они не знали, это означает, что они работали плохо; но если они знали, тогда, почему им доверили столь высокие посты?».

Аналогичные чувства испытывали многие красноармейцы, они эхом отразились среди военных атташе в зарубежных столицах. «Я не знаю, как мы будем воевать, если зарубежные страны объянут войну СССР. Я сам не верю не единой команде. После всего я не могу верить им. Если такие большие люди как Гамарник и Тухачевский, разоблачены как шпионы и террористы». В июле 1937 г. политработник в Киевском округе докладывал Борисову о том, что солдаты высказывают пораженческие настроения. «Зачем нам выполнять упражнения, если фашисты все равно нас разгромят», – спрашивал один. «Они знают наши военные планы и документы, и они выиграют войну». Карательные меры часто принимались к солдатам и командирам, посмевшим усомниться в непобедимости Красной Армии и к тем, кто прочил поражение от немцев [48].

Военная доктрина, национальная политика и советский патриотизм.

Политические процессы и чистки были одним из источников распространения пораженческих настроений в Красной Армии накануне немецкого вторжения, которые, по всей вероятности привели к панике и впоследствии к имевшим место случаям соглашательства с немецкими властями на

оккупированной территории. Как это ни парадоксально, но пораженчество коренилось в советской патриотической пропаганде, как в армии, так и вне ее, особенно в мифе о непобедимости Красной Армии и моральной правоте советской внешнеполитической доктрины. В целом, на общем фоне позитивного отношения гражданских и военных к ранним военным кампаниям, плохое боевое состояние войск, как и пораженческие настроения, было неожиданным для правящей верхушки.

Первые заявления советского правительства о действиях в Восточной Польше и Финляндии были восприняты большинством русско-украинского населения с огромным энтузиазмом [49]. Из донесений политработников и писем советских солдат видно, что население восприняло официальную версию об угрозе интересам национальной безопасности СССР, вражеской провокации и миссии освобождения оккупированных территорий от «белой гвардии», финских и польских поработителей. Солдаты относились к Финляндии как к «свинье, подрывающей советский мирный сад». Польские землевладельцы-панове рисовались как угнетатели «кровных братьев в Западной Украине и Белоруссии». Считалось, что финны, и поляки не обладали реальными военными силами, и они будут сметены всей мощью советского государства. В случае с кампанией в Восточной Польше солдаты озвучивали версию русско-украинского реванша, обновленную риторикой пролетарского интернационализма и мести за польскую кампанию 1920 г. [50].

Подобные проявления советского патриотизма несли в себе явно выраженные империалистические мотивы, подкрепленные мифом о непобедимости Красной Армии. Этот миф культивировался в фильмах, песнях и других формах патриотической работы. Пропаганда повлияла и на военную доктрину, которая являлась логическим следствием официальных заблуждений: комиссар обороны К.Ворошилов был уверен, что будущая война будет вестись на вражеской территории, что победа будет молниеносной при минимальных потерях [51]. В 1930-е гг. будущая война рисовалась следующим образом: СССР будет атакован силами немецкой армии, но в считанные минуты советские войска, намного превосходящие неприятеля, уничтожат врага [52]. Оборотной стороной данного мифа, являлось преуменьшение сил противника. Германское командование рисовалось как некомпетентное и слабое, и верилось что немецкие солдаты, как члены международного пролетариата, были готовы подняться против угнетателей, чтобы объединиться со своим союзником – советским народом [53]. Любая другая версия будущей войны была запрещена и даже слабые намеки говорить о трудностях расценивались как пораженчество со всеми вытекающими последствиями [54].

Миф о непобедимости Красной Армии, пресловутое морально-политическое превосходство Советской системы, как и доктрина Ворошилова, определили в целом индоктринацию массового сознания общества и армии.

Результатом излишней самоуверенности и недооценки вражеских сил стало отсутствие серьезной военно-психологической подготовки к будущей войне в особенности затяжной и позиционной. За время боевых действий в Финляндии и Восточной Польше официальный миф успел претерпеть значительные изменения, политическое управление пришло к выводу, что советские солдаты и командный состав плохо проявили себя в финской компании во многом из-за того, что их приучили к мирному ведению будущих войн. Это являлось отчасти следствием постоянных преувеличений могущества Красной Армии и слабости капиталистической системы [55]. Но даже усилия Мехлиса и его преемника А.Н.Запорожца преодолеть подобные психологические последствия потерпели фиаско из-за укоренившегося во всех уровнях советского руководства благодушия [56].

В 1940 г. на одной из конференций глава представительства артиллерии по политическим вопросам, Савченко, 3 месяца проведший до этого в Германии, высоко отзывался о немецком военном потенциале, чем предполагала официальная пропаганда, но он не отважился громко высказать свои мысли. «Если я хорошо отзовусь об организации зарубежных армий при своих помощниках, я знаю, что 9 из 10 напишут на меня обвинительный донос» [57]. Пропасть между образом, созданным пропагандой и реальностью была очевидной. Победы германских войск летом 1940 г. в Европе деморализовали офицерский корпус и войска. После падения Франции в июле 1940 г., воспитанники и солдаты Киевского округа опасались, что Германия разгромит СССР, т.к. немецкая военная мощь превосходит советскую. Пораженческие настроения оказались на расшатывании официального мифа.

Солдаты и офицеры начали глубоко сомневаться в справедливости своей миссии, когда финская армия оказала ожесточенное сопротивление, а советские потери стали значительными [58]. В НКВД фиксировали негативные моменты о том, что ряд командиров и солдат, несмотря на очевидный риск подобных заявлений, открыто выступали против Финской войны, говоря о ее неправедности и не желании участвовать в ней [59]. В период румынской кампании лета 1940 г. один из солдат был обвинен в антисоветской агитации за следующее утверждение: «Политика СССР миролюбива лишь на словах, на деле же она агрессивна и направлена на захваты. Она начала войну в Польше, в Финляндии и в Румынии. Мы пушечное мясо» [60]. Наиболее волнующими были донесения политработников об участившихся попытках покушения на жизнь офицеров и командиров [61].

Как только известия о советско-германском пакте о ненападении достигли войск [62], военные испытали чувство растерянности, сталкиваясь с крайним цинизмом позиции властей. Многие офицеры и политработники, наделенные опытом гражданской войны в Испании, хорошо относились к помощи республиканцам в борьбе с фашизмом [63]. Критику фашизма мгновенно пришлось свернуть. В качестве врага и подстрекателя войны, те-

перь выступали Англия и Франция, а Германия виделась миролюбивым государством. «Теперь, – объяснял один из инструкторов Военной инженерной академии, – вы не знаете, что писать или как писать, прежде нас инструктировали в антифашистском духе, а теперь все наоборот». Другой офицер, на которого доносило НКВД, говорил: «Германия – страна фашизма. Мы, коммунисты, должны сражаться против фашизма, а вся информация из газет – прогерманская». Некоторые солдаты и офицеры удивлялись, как Сталин и Молотов могли позволить себе сфотографироваться рядом с «самыми страшными врагами людей» Риббентропом и Гессом. Теперь, когда мы поддержали фашизм, Германия будет готова занять все маленькие страны и руки СССР будут связаны. НКВД зафиксировало огромное число подобных отзывов на новый внешнеполитический курс [64]. Очевидные противоречия в изменении позиций до и после советско-германского договора делали крайне циничной политподготовку. Когда солдат спрашивал своего политработника, «Какой вид войны у нас, вторая империалистическая или какая-нибудь другая, – тот отвечал, – нет никакого смысла оценивать империалистические войны. Когда война закончится, партийный съезд решит и они скажут, что это была за война» [65].

Предвоенные боевые кампании накануне германского вторжения разрушали официальный советский миф во многих ключевых аспектах. Изоляционистская внутренняя политика Сталинистского режима помогла сформировать советский патриотизм, который строился на вымыслах о внешнем мире. Многие солдаты и офицеры верили, что жизнь в СССР лучше, чем где-либо, а советская система является воплощением прогресса и справедливости. Вторжение в Восточную Польшу осенью 1939 г. показало всю хрупкость и иллюзорность такого взгляда. Вместо отсталой экономики, которую ожидалось увидеть, они нашли изобилие продуктов и вещей более высокого качества, чем в СССР. Среди негативных моментов, наблюдавшихся украинским военным командованием, была частая покупка офицерами и солдатами ненужных вещей в огромном количестве, включая ручки, часы, скатерти и женскую обувь [66]. Комиссары были обеспокоены относительно политических последствий кампаний; так как многие солдаты, согласно их сообщениям, начинали хвалить «буржуазный образ жизни» [67].

Предварительные заключения и размышления.

Обзор опыта ведения военных кампаний Красной Армии, накануне немецкого вторжения, позволяет говорить о более сложной картине, чем представлялось ранее. Существует целый ряд причин, по которым тяжело определить, насколько широко подвергся эрозии миф и возросли пораженческие, антисоветские настроения. Свидетельства о данном процессе, в основном, отражены в докладах политработников и донесениях военных друг на друга в НКВД. Они всерьез воспринимались высшим военным и политиче-

ским руководством страны, на внеплановых встречах по окончанию Финской войны. Серьезной трудностью в оценке того, как политические отношения развивались в течение предвоенных лет, является наше общее невежество относительно популярности советских позиций, как в течение 1930-х, так и в начальный период войны. Каковы были составные элементы советского патриотизма и почему они воспринимались либо отвергались различными слоями советского населения?

В качестве предварительного заключения можно предположить, что солдаты, которые встретили первый удар немцев, не были единой боевой силой. Большинство красноармейцев, русских и украинцев, разделяли в разной степени чувство советского патриотизма и обязательства по отношению к политическому и социальному порядку советской власти. Офицер, на всю жизнь связавший себя с армией, в большей мере сталкивался с политической и социальной системой, чем рядовые призывники; как бы то ни было, доверие к власти офицерского корпуса и политработников, пострадавших во время чисток, было подорвано и поколебало их уверенность в будущем.

Со второй половины 1930-х воинская повинность охватывала большее этническое пространство, включая другие национальности, находившиеся, еще совсем недавно, под польским и румынским правлением, поэтому патриотизм, культивируемый в армии политработниками, находил здесь меньший резонанс. Более того, когда комиссариаты стали призывать на воинскую службу в Красную Армию молодежь, захваченных территорий, они столкнулись с большим числом отказников, и даже те, кто согласен был служить в армии, имели весьма отдаленные представления о политике и Советском Союзе [68]. В целом, политработники относились скептически к преданности и верности призывников, мобилизованных на территории бывшей Восточной Польши, Румынии и Чехословакии. Эти новобранцы годами впитывали антисоветские настроения, господствующие в государственной пропаганде. Более того, они не были вовлечены в процесс социализации такими общественно-политическими организациями, как пионерия, комсомол и советская школьная система [69].

И, наконец, суждения о патриотизме и боевой готовности, основанные на захватнических войнах на чужих территориях (Финляндии, Восточной Польше и Северной Румынии), с большой долей сомнения можно сравнивать с той войной, которую вел СССР с момента вторжения немцев в июне 1941 г.

Примечания

1. Автор выражает благодарность IREX и Alexander-von-Humboldt Foundation (Бонн) за поддержку при работе над данной статьей, а также слова признательности сотрудникам Российского государственного военного архива (РГВА, в прошлом Центрального государственного архива Советской Армии).

2. Во времена Н.Хрущева споры велись вокруг публикаций и критики книги А.Некрича 22 июня 1941 (М.: Наука, 1965); см. отзыв, определивший тон последующих откликов на нее, Г.А.Деборин и Б.С.Тельпуховский, «В идейном плену у фальсификаторов истории» // Вопросы истории КПСС. №9 (1967).

3. Для полного обзора дискуссий по военной истории, см. доклады Hans-Henning Schroeder, «Die Lehren von 1941. Die Diskussion um die Neubewertung des 'Grossen Vaterlaendischen Krieges' in der Sowjetunion», в Wolfgang Michalka, ed., Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz (Munich: Piper, 1989), pp. 608-625; Он же: «Weisse Flecken in der Geschichte der Roten Armee», Ostewropa 5 (1989): 459-477; а также: Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война: из не прочитанных страниц истории (1930-1990-е) (М.: Родник, 1994). Для общего понимания сущности военных дискуссий, см. R.W.Davies, Soviet History and the Gorbachev Revolution (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1989); and Davies, Soviet History in the Yeltsin Era (London and Basingstoke, 1997); Walter Laqueur, Stalin: The Glasnost Revelations (New York: Charles Scribner's Sons, 1991); Mark von Hagen, «Stalinism and the Politics of Post-Soviet History», Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

4. Весьма одержимой в плане критики советской системы и ее ценностей является работа Б.Соколова // Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. (М.: Московский рабочий, 1991).

5. Зарубежные историки использующие подобные подходы к изучению советской экономики, рассматривали ее как систему. Г.Риггерспорн и С.Коткин, под влиянием работ М.Фоукаулта, проанализировали политическую экономию 1930-х, показывая ее неписанные правила, темные пятна и промахи. См. Simplifications stalinianes et complications soviétiques: Tensions sociales et conflits politiques en URSS 1933-1953 (Paris: Editions des Archives Contemporaines, 1988); и S.Kotkin Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995).

6. См. биографию Сталина в работе Д.Волкогонова «Триумф и трагедия» (М.: Издательское агентство Новости, 1990); и неопубликованную рукопись Ю.Киршина «Духовная подготовка советского народа к войне».

7. Среди советских историков общепризнанной была точка зрения о том, что, несмотря на драматические потрясения 30-х гг., советский народ оставался единой идейной общностью, что являлось главным источником советской победы. Как ни парадоксально, но данная позиция объединила историков, по-разному относящихся к Сталину. С одной стороны, аргументы тех, кто критически относился к нему выдвигали, на первый план духовное единство советских людей, дабы лишить Сталина права на победу в войне; то есть советские люди, а не советская система, выиграли войну. См.: ук. соч. Волкогонова «Триумф и трагедия», и Киршина «Духовное единство». С другой стороны, те, кто признают заслуги Сталина в укреплении и подготовке страны к войне; они объясняли «идейное единство» народа последствиями советской образовательной, культурной, социальной и экономической политики. Все это указывает на возросшую преданность социалистическим идеалам и дальнейшему объединению советских людей перед лицом растущей угрозы фашизма.

8. Имеются в виду работы историков следующих в русле трудов М.Левина и Ш.Фицпатрик. См. M.Lewin, The Making of the Soviet System (New York: Pantheon, 1985); Sh.Fitzpatrick, Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1922-1934 (New York: Cambridge University Press, 1979).

9. Подобное изучение состояния британской морали за время войны см. Angus Calder, The Myth of the Blitz (London: Jonathan Cape, 1991).

10. Что справедливо не только для военных историков, но и историков партии, изображавших КПСС вне социального и экономического развития, с другой стороны историки, изучавшие советское общество, крайне редко уделяли внимание политике вопреки утверждавшимся лозунгам о непоколебимом единстве партии и армии, армии и народа. См. Обозрение на этот счет в работе А.П.Ненацкова и О.В.Наумова. Глазами американского историка // Военно-исторический журнал. 1990. №12. С.60-66.

11. Из ранней истории Красной Армии см. John Erickson, The Soviet High Command: A Military-Political History 1918-1941 (London: Macmillan, 1962); Marc von Hagen, Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State (Ithaca, N.Y.: Cornell, 1990).

12. Аналогичные параллели в Германской истории, см. Omer Bartov, «Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich», Journal of Modern History 63 (March 1991): 44-60; Hitler's Army. Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich (New York and Oxford: Oxford University Press, 1991). В своей монографии Бартов предостерег от опасной «тенденции не замечать и недооценивать важность тесных взаимосвязей между армией, режимом и обществом».

13. Соответствующие документы были полностью опубликованы в Военно-историческом журнале 8 (1988): 73-79.

14. Среди других работ, см. F. W. von Mellentin, Panzer Battles (University of Oklahoma Press, 1956); Kurt von Tippelskirch, Die Geschichte des zweiten Weltkriegs (Bonn: Athenaum, 1954); Franz Halder, Kriegstagebuch, 3 vols. (Stuttgart: Kohlhammer, 1962).

15. См.: Материалы конференции: Manfred Messerschmidt, «Juni 1941 im Spiegel deutschen Memoiren und Tagebüchern»; также Olaf Groehler, «Zur Einschätzung der Roten Armee durch die faschistische Wehrmacht im ersten Halbjahr 1941, dargestellt am Beispiel des AOK 4», Zeitschrift für Militärgeschichte 7 (1968): 729ff.; и Andreas Hillgruber, «Das Russland-Bild der führenden deutschen Militärs vor Beginn des Angriffs auf die Sowjetunion», in Bernd Wegner, ed., Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt zum Unternehmen Barbarossa (Munich: Piper, 1991). Pp.167-84.

16. О сложностях при использовании советских мемуарных источников по истории второй мировой войны, см. Seweryn Bialer, Stalin and His Generals (Boulder and London: Westview Press, 1984), esp. Pp.15-44.

17. Более информативны в этом плане воспоминания Константина Симонова, сыгравшие ключевую роль в дискуссиях. См. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В.Сталине (М.: Правда, 1990). Советские и российские специалисты публикуют интересные архивные данные о военном и партийном руководстве. Данная статья во многом основана на неопубликованных рукописях биографии Сталина Ю.Киршина и Д. Волкогонова. В течение лета 1990 – зимы 1991 г. я так же собирал материалы по Киевскому и Харьковскому военным округам за межвоенный период в Русском Государственном военном архиве.

18. В марте 1940 г. Центральный Комитет партии созвал специальное совещание военных в Кремле. Заnim последовала расширенная сессия Главного Военного совета; встреча высокопоставленных политработников под руководством Мехлиса 21 апреля 1940 и критический отчет Комиссара обороны, 12 ноября 1940. Для отчетности о данных встречах, я полагаюсь исключительно на неопубликованную рукопись генерала Киршина и биографию Сталина написанную Волкогоновым, который,

в свою очередь, цитируют архивные фонды Центрального Архива Министерства обороны (ЦАМО) и Российского Государственного Военного Архива (РГВА). Также Н.Ф.Кузьмин. На страже мирного труда. М.: Воениздат, 1959. С.269-274.

19. Военные компании, предшествующие советско-германскому пакту, в значительной мере игнорировались советскими историками. В большей мере мы имеем свидетельства о военной операции в Восточной Польше и Финляндии, в меньшей мере это справедливо для военных действий на Дальнем Востоке и совсем немного об операциях в Румынии и Прибалтике 1940 г. По Зимней войне ученые имеют значительную часть документов благодаря книге В. Зензинова. «Встречи с Россией: как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию» (New York: n. p., 1944). Летом 1940 г. Зензинов посещал Финляндию; Финское правительство передало ему некоторые письма и личные бумаги советских солдат, найденные у погибших во время «Зимней войны».

20. Сторонники сталинской военной модели и ее противники по разным причинам утверждают, что немецкое вторжение в июне 1941 г. застало Красную Армию в момент проведения тимошенковских реформ, не позволив исправить изначальные беды предшествующего периода. Сталинисты таким образом демонстрируют, что сталинская система была гибкой и склонной к саморегуляции; антисталинисты утверждают, что, как только ворошиловские приспешники Сталина были отстранены от власти, Армия начала наводить в своих рядах порядок, ошибки Сталина при оценках угрозы немецкого вторжения подорвали способность военных сделать это вовремя, чтобы предотвратить дальнейшее бедствие.

21. Д.Эриксон уловил подобную оценку тимошенковских реформ, но по другой причине in Soviet High Command (Boulder, Colo.: Westview Press, 1984). Рр.552-560. См.: также работу Г.Риттерспорна, Simplifications staliniennes et complications soviétiques, и его аргументы в пользу неспособности Московских партийных лидеров устраниТЬ промахи в работе местной партийной организации.

22. Этот аргумент характеризует взгляды не только Соколова, но и Г.Бордогова и А.Афанасьева. См.: Украина на победу. Комсомольская правда. 1990. 5 мая. С.1-2.

23. Насыщенная фактическими данными, но далекая от заключений литература о панике в войсках частично затрагивает и вопрос о политических взаимоотношениях. См. классический труд S. L. A. Marshall, Men against Fire (New York: William Morrow & Co., 1947); John Keegan, The Face of Battle (London: Jonathan Cape, 1976). О боевых качествах американских солдат см. S. A. Stouffer et al., Studies in Social Psychology in World War II. Vol. 2, The American Soldier: Combat and Its Aftermath (Princeton: Princeton University Press, 1949); см. так же Anthony Kellett, Combat Motivation: The Behavior of Soldiers in Battle (Boston: Kluwer Nijhoff Publishing, 1982); Ben Shalit, The Psychology of Conflict and Combat (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1988).

24. Н.С.Хрущев. Воспоминания // Огонек. 1989. №30. С.10-11. Сложности возникли только в вопросе о судьбе г. Львова, посредством переговоров советская сторона согласилась с немецкими требованиями и отступила впоследствии.

25. Сообщения Ерохина – Пождаеву, между 15 сентября и 9 октября 1939, РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.35. Л.53, 102-06.

26. См. неопубликованную рукопись В.А.Савина «Дневник лейтенанта Красной Армии», основанную на заметках лейтенанта А.Матвеева, прошедшего Белорусскую и Финскую кампании. Дневник был найден среди собранный фонда посвященных Советско-финской войне, РГВА. Ф.34890. Оп.14. Д.84. Л.130-205. Работа ко-

мандующих Украинском Фронтом критиковалось в обширном меморандуме, датированном октябрём 1939, РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.2. Л.57-61. Офицерский состав высших и низших чинов не сумел продемонстрировать элементарную инициативу, ограничиваясь предпочтением простой передачи приказов и распоряжений сверху.

27. При окончании военных действий была оглашена цифра убитых и раненых равная 207,608 чел., но «Правда» в 1989 г. увеличила ее до 246,000 чел.; «Аргументы и Факты» утверждали, что реальное всего цифра – 289,510 чел. См.: Правда. 1989. 30 ноября. С.6; Аргументы и факты. 1989. №45. С.8.

28. Г.Жуков утверждает, что после плачевного участия Советской Армии в Зимней войне, Сталин вынужден был заменить Ворошилова на посту Комиссара Министерства обороны Тимошенко. См.: В.Карпов, «Маршал Жуков», «Знамя» 11 (1989): 82.

29. По его мнению, Финская кампания продемонстрировала, что пехотные части слабо представляли себе задачи, которые они должны были решать в ходе сражений, что запасные соединения просто трусили. Наконец, он отметил, что имелось слишком много случаев бравады и пьянства, особенно среди офицерского состава. См. Дневник Матвеева.

30. Психологический компонент будет обсужден в следующем разделе по национальной политике, патриотизму и военной доктрине.

31. Мехлис, в весьма критическом и неопубликованном отчете «Уроки Войны в Финляндии», квалифицировал увиденное как «хронический позор», многое из него было очевидным в ходе операций на озере Хасан, реке Халхингол и в Польше; но Генеральный штаб не сумел отреагировать на них и, в результате, несмотря на постоянные инспекционные посещения и проверки, ничего не изменилось. РГВА, цит. по Киршину, с.379-80. В течение апреля 1941 г. представитель Комиссара Обороны генерал Мерецков проверял боеготовность Киевского Военного округа. Спустя 9 месяцев после реформ Тимошенко, инспекция показала так много, из того, что было выявлено после Финской войны в качестве недостатков, но так и не исправленных в ходе последующих учений. «Материалы инспектирования боевой подготовки войск связи округа», 21 апреля 1941, РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.450. Л.1-3. Летом 1940 года были введены новые программы обучения, которые отчасти отражали уроки, извлеченные из опыта ведения боевых операций в Европе и Азии. Командование Киевского военного округа заключило, что бывшее начальство результатов были неудовлетворительными и что район, в целом, оперативно не был подготовлен к подлинной боевой обстановке. Инспекционные группы Комиссариата направленные в марте 1941 в Ленинградский, Уральский и Орловский военные округа выявили аналогичные недостатки. «Материалы», 18 апреля 1941, РГВА, там же., Л. 83-85.

32. На 12 ноября 1940 г., недоукомплектованность по штату составляла 21% от необходимого уровня. Накануне войны, больше чем 102,000 офицерских должностных оставались неукомплектованными, включая нехватку 17-25% в западных районах близ границы. См. «Акт о приеме НКО» 12 ноября 1940, ЦАМО. Ф.72. Оп.173022. Д.3. Л.208-374, цит. по Киршину, «Die sowjetischen Streitkraefte am Vorabend des Grossen Vaterlaendischen Krieges», in Bernd Wegner, ed., Zwei Wege nach Moskau (Munich and Zurich: Piper, 1991), p. 390» См. также Roger Reese, «A Note on a Consequence of the Expansion of the Red Army on the Eve of World War II.» Soviet Studies XLII:1 (January 1989): 135-40, в которой автор доказывает, что перевооружение

ние армии сыграло критическую роль в том бедственном положении, в котором оказались войска во второй половине 1941 г.

33. Документ, датированный 20 декабря 1940, РГВА. Ф.4. Оп.14. Д.2742, цит. по Киршину, с.355.

34. Многие из данных оценок были похожи на более ранние итоги обсуждения вопросов дисциплины в ходе реформ Фрунзе середины 1920-х гг. См. Marc von Hagen, *Soldiers in the Proletarian Dictatorship, Part Two*.

35. Многие офицеры приветствовали долгожданный устав, способный своей строгостью исправить «псевдодемократические пережитки в армии, которые расшатывали дисциплину в прошлом». См. комментарии военных, С.Красильников. Перестройка боевой подготовки Красной Армии. Знамя 1941. №6. С.164.

36. Киршин на с.291 цитирует статистику Административно-экономического отдела Главного управления Комиссариата Обороны. Только в конце 1936 г. и начале 1937 г., для закупки мебели высшему командованию были выделены десятки тысяч рублей. Тухачевскому для подобных целей выделено 67,363 рублей, Гамарнику 46,451 рублей, Якиру 33,235 рубля.

37. См. Moshe Lewin, *The Making of the Soviet System*. P.304.

38. РГВА, цит. по Киршину с.435-436.

39. См. примеры патологии армейской службы, когда вопросы политической лояльности цениются выше военной компетентности, но крайней мере, до 1942 – начала 1943 гг., в работе Bernd Bonwetsch, «Stalin, the Red Army, and the Great Patriotic War», in Kershaw and Lewin, eds., *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

40. О роли НКВД в Восточной Польше, см. обширную документацию Гуверновского архива, Собрание: Польша. «Правительство в изгнании», Министерство Информации и документации (Польский МИД), Вх 2; также официальные планы установления Советской власти, изданной для армейских политработников. О роли НКВД в Северной Румынии, см. РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.5. Л. 1-5.

41. См.: регулярную корреспонденцию о прохождении ежегодных наборов в армию РГВА. Ф.25899. Оп.3. Д.1572. Л.279-82, 354-61, 371-84.

42. О последствиях политических репрессий см. обзор литературы Bernd Bonwetsch, «Die Repression des Militärs und die Einsatzfähigkeit der Roten Armee im 'Grossen Vaterlaendischen Krieg'.» in Zwei Wege nach Berlin. Pp.404-24.

43. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М.: Воениздат, 1965. С.40.

44. О.Ф.Сувениров. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал. 1989. №3. С.43. В августе 1937 г. на встрече политического состава, Сталин спросил П.А.Смирнова, заменившего Гамарника на посту начальника Политического Управления, как Красная Армия реагировала на разоблачение «банд шпионов». Смирнов назвал ответную реакцию положительной, но при этом отметил большое количество «отрицательных и очевидно контрреволюционных заявлений». «Все они укладывались в русло того, что полномочия лидеров партии и государства, как и полномочия офицерского корпуса, были подорваны». Смирнов сообщил, что «моменты дезориентации захватили определенную часть руководства, которое потеряло волю и ослабило контроль».

45. О.Ф.Сувениров. Всеармейская трагедия. С.44.

46. О страхе, который царил в кругу старших офицеров в особенности после лета 1937 года, свидетельствует инцидент с Мерецковым. См.: Никулин К.А., Тухачевский: Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964. С.194. Мерецков был арестован, и позже восстановлен в Армии, вместе с несколькими другими командующими и комиссарами, включая К.К.Рокосовского, А.В.Горбатова, и Л.Г.Петровского.

47. В стрелковой дивизии Киевского Округа, политработник Мамонов, сообщил, что 50% коммунистов его партийной организации подверглись обвинениям, большинство из которых не были доказаны. РГВА, цит. по Киршин, с.346.

48. «Докладные записки и донесения о морально-политическом состоянии частей КВО.» 1 января-31 декабря 1937, РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.42. Л.227, 228, 264, 415; так же Киршин цит. РГВА. С.344, 348.

49. Когда Правительство объявило о формировании батальонов лыжников из числа добровольцев, на каждое место было подано до десяти заявлений. Родители отказались от права на бронь для оставшихся единственных сыновей. Ленинградский партийный архив. Ф. 24, Оп. 12, Ед. хр. 30, Л. 46; и РГВА, цит. по Киршину с.62-63.

50. См.: «Доклад о боевых действиях 6-й армии и проведенной партполитработе в боевой обстановке», 15 Октября 1939, РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.2. Л.164-74. Среди типичных были комментарии включавшие в себя: «Я буду быть Польских панов беспощадно; я буду напоминать им, как они били моего отца и брата в 1920 г.» или «Спасибо, товарищу Сталину, что разрешил нам, освободить Украинские и Белорусский народы от Польских поработителей».

51. Ворошилов изложил эту доктрину в 1928 г. и развивал ее на различных партийных и военных встречах в последующие годы. См.: Советские Вооруженные силы. М.: Воениздат, 1987. С.194; и Красноармейский политучебник. 1931.

52. Наиболее сжато в литературе отражала содержание доктрины Ворошилова повесть Н.Шпанова, «Первый удар: Повесть о будущей войне», Знамя. 1939. №1. С.36-119. Немецкое воздушное нападение начинается в 5 по полудни, но советское воздушное пространство полностью освобождено от немецких самолетов в пределах ближайших полчасов. В течение других одиннадцати часов сухопутное сражение победоносно заканчивается для советских вооруженных сил. Взгляд Шпанова на молниеносную победу без потерь и кровопролития был повторен в песнях, поэмах, и армейской политической работе.

53. См.: мемуары И.Эренбурга относительно первого периода войны, К.Симонов, И.Эренбург, В одной газете... Репортажи и статьи 1941-1945 М.: Агентство печати «Новости», 1979. С.88.

54. Когда Е.Генри предсказал в своей книге *Hitler Over Europe*, не только немецкое вторжение на территорию СССР, но и направления главных ударов, один из советских рецензентов парировал этот тезис следующим образом, автор допустил ошибку, предполагая, что Красная Армия и советские люди позволят врагу вторгнуться в границы нашей Родины. Он напомнил Генри, что Красная Армия разобьет агрессора на его собственной территории. См. *Литературное обозрение* 3 1989: 69.

55. После апрельского совещания Верховного командования и Главной Политической Администрации в 1940 г. Мехлис издал приказ о перестройке политической работы. См. «О перестройке партийно-политической работы», Пропагандист и агитатор» 17 (1940): 1-4. ГУППКА издало несколько распоряжений с целью преобразования методов военной пропаганды. См., например, № 221, №240, №69, 188, 219.

56. В очередном директивном проекте после окончания Финской войны, Запорожец настаивал при описании немецкой армии и общества, как находящихся на грани восстания из-за серьезных социальных и экономических последствий для нации, обусловленных войной. См. также сводки Главного управления Разведки Генерального штаба от 19 мая 1941, которые продолжали игнорировать немецкую угрозу. РГВА цит. по Киршин, с.488-90.

57. Мехлис завершая встречу, язвительно ответил, «Вы преувеличиваете, но два из трех действительно осудили бы Вас» РГВА, цит. по Киршин, с.491.

58. Зензинов, Глава VII; см. также Савин, «Дневник лейтенанта Красной Армии». Цит. выше.

59. В течение войны, Политуправление было не раз обеспокоено высоким процентом случаев дезертирства, членовредительства, и бегства с поля битвы. РГВА цит. по Киршин, с.293, 310-11.

60. «Сводка на 27. VI. 1940», РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.5. Л.285-86. Некоторые солдаты оправдали свой отказ служить, тем, что родина, которая позволила их семьям голодать, не стоит того, чтобы ее защищали. Другие сообщения о солдатах, откладывающихся сражаться из-за несогласия с советской внутренней или внешней политикой см. там же Л.303, 305.

61. См.: «Сводка №006», РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.5. Л.303-06, от 6 июля 1940, многочисленные сообщения об арестах солдат за «угрозы» убить своих командиров.

62. В разосланной Главпуром директиве №0246 (11 сентября 1939 г.) для политработников армейских соединений разъяснял как «прорабатывать» договор в новой международной ситуации. В число необходимых текстов для изучения была включена речь Молотова о договоре см.: Правда 1939. 1 ноября и Молодой большевик. 1940. №4. С.55; 1940. №7. С.1.

63. Многие мемуаристы пишут о широко распространенной популярности испанских республиканцев в том смысле, что Советский Союз продолжал преследовать благородную и справедливую политику при поддержке верноданых. См. П.Якир, «Будь настоящим, сын!» Командар Якир: воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1963. С.221-23.

64. РГВА, цит. По Киршину, стр. 96-98, 487; см. Так же работу S.Bialer, Stalin and His Generals, pp.128-29.

65. Эту историю, в качестве иллюстрации разлагающего воздействия нацистско-советского договора на состояние морально подготовки войск, передал один из участников встречи политработников весной 1940 г. РГВА цит. по Киршин, с.415.

66. Военные отправляли письма домой с просьбами прислать им деньги, для покупки товаров в западных областях. См. не завизированную копию приказа Тимошенко от сентября 1939, РГВА. Оп.4. Д.35. Л.107; и секретный приказ комиссара Зеленкова, 14 ноября 1939, РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.34. Л.288; о фактах мародерства см. Д.2. Л.19, 30-33, 36, 37-40.

67. Тимошенко, будучи Командующим Украинского Фронта, жаловался на то, что офицеры и солдаты, заполонили местные магазины и скупали товары, для которых они не имели никакого назначения на передовой; кроме того, они скупали товары в количествах явно превышавших их личные нужды. Недостойное поведение советского солдата подорвало престиж к армии и Советскому государству в глазах местного населения. Тимошенко предупреждал, что любое подобное поведение в

дальнейшем должно быть строго наказано. Советские данные подтверждаются Польскими источниками; см. Гуверовский Архив, Польша МИД, Коробка 2, Папка б.

68. РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.2. Л.30-33; Зензинов сообщает, что призывающие из Карелии затягивали злобу и негодование на Советскую власть и при первой возможности переходили на Финскую сторону, Встреча. С.14.

69. Столь обширный вопрос, как изучение Советского патриотизма, требует более всесторонних исследований. Когда политработники Красной армии и школьные учителя, приводили вдохновляющие примеры из недавнего прошлого они ссылались на героический период борьбы во время революции и гражданской войны. Но гражданские войны, в конечном счете, ненадежные источники для воспитания патриотических чувств, особенно в таком многонациональном государстве, как Советский Союз. Когда набор в армию охватывал все большее число неславянского населения, патриотизм периода гражданской войны все меньше находил отклики и резонанс. Не только русские часто сражались друг с другом, как можно увидеть из подлинной истории гражданской войны, но целые народности отходили от России и существовали как независимые государства; кроме того, «собирание русских земель» являлось в большой мере военным покорением, в котором Красная Армия повторяла работу, столетиями выполнявшуюся царскими генералами. Пока народная память времен гражданской войны переживала события и современников, этот период образования Советского государства мог иметь лишь крайне ограниченную привлекательность. Историки вполне справедливо могли ссылаться на примеры многонационального единства в борьбе против иностранных или «классово чуждых» элементов, но истина состояла в межэтнической ненависти и насилии прежних лет.